

Интервью для Мэри Сью. Раздразнить дракона

Автор:

[Надежда Мамаева](#)

Интервью для Мэри Сью. Раздразнить дракона

Надежда Николаевна Мамаева

Попала в другой мир, да не абы как, а из огня – в полымя... Да где наша журналистская братия не пропадала! Дала клятву, которая грозит смертью... теперь только и остается, что выполнить зарок. Встретила дракона, что ненавидит людей... это уже из разряда супербонуса затейницы-судьбы. Все это обо мне, скромной студентке журфака, с которой случилась одна досадная неприятность – я немножко умерла. Теперь мне нужно выжить в мире, где в небе среди облаков парят твердыни – земли драконов, кнессы урядов делят между собой власть, а правду отстаивают на божьем суде с помощью меча. И это бы даже легко удалось, если бы за тем артефактом, что я получила вместе с шансом на новую жизнь, не охотилась тьма людей и нелюдей... Когда враги пытаются достать тебя ядом, каленым железом и чернокнижным колдовством, единственным щитом становится любовь. Но вот готов ли к ней тот, у которого я, попаданка, собралась взять интервью?

Надежда Мамаева

Интервью для Мэри Сью. Раздразнить дракона

Пролог

– Предатель! – в сердцах воскликнула я, глядя, как на моем надежном товарище и верном соратнике вспыхнул красный индикатор.

Старенький диктофон будто извинялся и предупреждал: прости, подруга, но еще несколько часов работы, и я разряжусь уже навсегда.

Умом я понимала, что рано или поздно этот день настанет, но в душе жила неистребимая вера, что «когда-то» – еще далеко и уж точно – не сегодня. Но вот и она сдохла вместе с аккумулятором.

Захотелось расплакаться от отчаяния.

Я была неразлучна с диктофоном с тех самых пор, как попала сюда. Он выручал меня, бережно храня в своей цифровой памяти малейшие оттенки смыслов, интонаций, витиеватых сплетений велеречивых рассуждений и четких отрывистых реплик, что больше всего напоминали приказы. Мой диктофон. Подарок самой себе на двадцатилетие. Он был той связующей нитью, тем канатом, на котором держалась моя вера в то, что я вернусь.

Вновь окунуться в круговерть если не совсем счастливой, то хотя бы понятной жизни с повышенной стипендией, стажировкой, навязчивым однокурсником Сашкой, задавшимися целью перенести наши строго вертикальные (хотя я вообще мечтала о параллельных) отношения в горизонтальную плоскость...

Все это, еще недавно такое привычное и уютное своей повседневностью, оказалось в прошлом. Сейчас меня окружала суровая реальность мира, где не ведают, что такое Интернет. Зато о троллях наслышаны. И даже знают верное средство от них. Тяжелое, как веское слово, и острое, как политическая шутка, но весьма материальное. Называется – двуручный меч.

Один такой «прибор для борьбы с троллями» лежал сейчас неподалеку. В комплекте к нему должен был прилагаться рыцарь. Но это у приличных людей набор соответствует инструкции. У таких же рыжих, как я, недостающие детали вечно приходится заменять ее величеством Импровизацией. Так и в этот раз.

Меч, одна штука, был. Сдохший тролль, тоже в количестве одной единицы, наличествовал. А воином в нержавейке от местного «Армани», увы и ах, даже не пахло.

Впрочем, и без помощи рыцаря из меча и здоровенного горного уродца вышла презанятная композиция, разместившаяся посреди лесной поляны. Единственным зрителем оной была я, сидевшая под разлапистой елкой. Но мне не было дела до раскинувшегося звездой тролля, пронзенного мечом и ныне на полставки изображавшего шашлык.

Я скорбела по своему диктофону. Ему я порой решалась выговориться без утайки, он выручал меня, когда память могла подвести. В этом мире, где в небесах царствуют драконы, а под землей роют шахты гномы, старенький диктофон, собранный трудолюбивыми руками жителей Поднебесной, был моим талисманом, амулетом, который оберегал веру в то, что я сумею вернуться домой.

Слезы все же побежали по щекам. Злые, горькие, отчаянные, беззвучные. Решительно стерла их рукавом. Глянула на горного истукана: здоровенный, зараза. Но справилась же я с ним. Значит, и с остальным тоже справлюсь! Сумею, смогу – во что бы то ни стало. Я же будущая журналистка.

Взгляд упал на экран. До полной разрядки еще есть пара часов записи. Отложить? Растянуть агонию или...

В памяти верного друга было множество звуковых файлов. Голоса, записанные тайно и в открытую, мысли и рассуждения... Но все – чужие.

Нажала на кнопку записи. Пусть хотя бы последняя будет обо мне.

Время шло. Начать говорить о себе оказалось на удивление тяжело.

На поляне стояла тишина, а я все не могла произнести ни звука. Наконец, чтобы облечь слова в форму, решила взять интервью. Сама у себя. Мысль еще не успела до конца оформиться, а журналистский рефлекс уже сработал, и прозвучал стандартный вопрос, с которого начинается большинство интервью.

Глава 1, она же первый вопрос:

– Расскажите немного о себе

Сразу стало как-то легче и проще. Даже тролль – и тот показался более привычным, что ли. Словно я влезла в любимые разношенные домашние тапочки. Слова нашлись сами. Много.

Тот день был обычным, ничем не примечательным среди остальных побратимов календаря. Одиннадцатое апреля. Сугробы только-только стаяли, и из-под юбок начали пробиваться первые коленки. Хотя ветер все еще норовил укусить холодом, а воздух сквозил промозглостью.

В общем, весна. Очаровательное время для влюбленности и насморка. И если первого в моем арсенале не наблюдалось, то второго было – с лихвой. Я хлюпала носом, мои кроссовки – щедрым подношением, впитанным в одной из луж.

Как ни торопилась, на планерку все же опоздала. Стянула вязаную шапочку, пятерней пригладила растрепавшиеся волосы и пристроила свою выдавшую виды куртку на вешалку. Моя одежда удостоилась соседства с шикарным кожаным плащиком Лики Южной (по паспорту – Марии Головкиной, но, как говорится, в статьях о гламуре все должно быть прекрасно, и имя автора – в том числе). Я лишь хмыкнула. Ну да, мне, Сашке Конокпаевой, стажерке, едва сводящей концы с концами, до Лики-Марии, а по совместительству и пассии главреда, как сумоисту до габаритов балерины. Разве что наша одежда может висеть рядом. В остальном....

Как оказалось чуть позже, связывать нас с Южной может не только вешалка. Едва я просочилась в кабинет начальства и приготовилась мимикрировать под цвет стен, как наш главред (за глаза величаемый почетным главгадом) оскалился приветственной улыбочкой:

– А-а-а, вот и наша звезда госпожа Конокпаева пожаловала! Милочка, вы отнюдь не прехорошенькая женщина, и уж точно не отличная мысль, чтобы приходить с опозданием! Но тем не менее...

Я уставилась в пол, памятуя, что пять минут позора – это не только плата за опоздание (чтоб тому водителю, что подрезал маршрутку, в которой я так торопилась на работу, весь год из покрышек гвозди вынимать!), но и возможность получить в этом месяце полную зарплату. Увы, три месяца стажировки и оплачивались соответственно. То есть почти никак. Оттого я для

себя решила: если издевки начальства я еще могу перетерпеть, то голодный желудок и визгливую хозяйку квартиры, у которой я снимаю комнатку, – нет.

Поэтому я терпеливо молчала, пока главгад Игорь Сергеевич, выпятив свою изрядную пивную мозоль, изгалялся в остроумии.

Нет, можно было развернуться и уйти, тем более что журналчик «Сплетни live» не чета «Форбсу», но и я Пулитцеровской премии в анамнезе не имела, а лишь мечтала о ней. К тому же, пусть официально и числилась студенткой пятого курса журфака, но по факту... Занятия у нас почти закончились еще в январе. На повестке дня стояло написание диплома.

В то время когда мои одноклассники наслаждались последними месяцами безмятежной студенческой жизни, я решила приступить к активным поискам постоянной работы. Нашла. На свою голову. Сначала (аж несколько часов) гордилась должностью штатного журналиста и мысленно даже похвалила себя за предусмотрительность: в июне-то, когда все получают дипломы, будут с руками отрывать любые вакансии по свежесобранной специальности, а я к этому времени уже...

Радовалась ровно до того момента, пока не познала всю глубину паскудного характера главгада.

Вот и сейчас, пока он пытался ужалить побольнее, мыслями была с зарплатой и второй частью диплома, которую нужно сегодня дописать.

– ... Эй, Конокпаева, ты все еще с нами?

Главгад подошел вплотную и пребольно щелкнул меня по носу.

– А? – Я заморгала.

– Я говорю, что тебя удостоили чести взять интервью у самого Артура Бейметова.

Я не поверила своей удаче: сам Бейметов! Режиссер, умудрявшийся создавать клипы не хуже, чем у зарубежных звезд. Кстати, правильно сделала, что не

поверила.

Задание, на первый взгляд весьма интересное и, что немаловажно, питающее не только дух, но и кошелек, оказалось, как та пресловутая кастрюля супа, в которую от щедрот шмякнули половник васаби, теоретически съедобной: проглотить и переварить можно, а на практике... От Лики Южной у меня были изжога, несварение и тошнота почище, чем у будущих мамочек в первые месяцы беременности. Но именно эту гламурную фифу мне отрядили в наперсницы и соавторы статьи. Бонусом шел фотограф, относительный мастер репортажной съемки. Относительный, потому что относился к ней спустя рукава, хотя кадры выходили отличными.

Впрочем, этот фотолодырь так же наплевательски снимал и свадебные шашки, которые приносили ему гораздо больше, чем пресловутая зарплата в «Сплетни live». Своей работой в журнале он козырял, пуская пыль в глаза «левым» заказчикам его услуг.

В общем, после планерки я находилась в том состоянии, когда материться хочется, а нельзя. Подошедшая ко мне Южная подлила масла в огонь своим заявлением, что-де к режиссеру она не поедет, а доверит эту почетную миссию мне. Сама же Лика поищет «горячую» информацию о Бейметове на просторах Интернета, что, несомненно, не столь интересно, как мое задание...

Речь Южной была сладкой до тошноты. Лика вообще всегда разговаривала так, что после пяти минут общения с ней непременно хотелось выпить стакан простой воды, чтобы во рту не было так приторно. Вот только за этим рахат-лукумом торчала во все стороны, как антенны из подводной мины-ежа, банальная правда: над статьей придется корпеть мне одной, а в печать она уйдет за двумя подписями. К тому же я абсолютно уверена, что фамилию «Конокпаева» поставят второй, мелким серым шрифтом, чтобы, когда взгляд скользнет по глянцу, ее сразу было не прочитать.

Лика же наверняка весь день просидит в офисе, зависая во «вкашечке» и «мордакниге», прочирикает в «Твиттере» со своими заклятыми подружками о моде и макияже. Но самое главное – назовет это все умными словами «мониторинг личных данных Артура Бейметова в социальных сетях». Результат одного – фото с профиля режиссера и пара строк о его заслугах с сайтов телеканалов.

А по итогам: лавровый венок – Юпитеру, «травку», в смысле, «капусту» (жаль, что не долларovou, а рублевую) – быку.

Ли́ка все еще щебетала, а я еще раз убедилась: те, кто утверждают, что наглость – второе счастье, беззастенчиво врут. Первое. Но я прикинула, что стипендия – это, конечно, хорошо, но когда остается лишь она – это уже плохо.

Потому, нацепив на лицо самую идиотскую из своих улыбок, заверила: таки интервью возьму и все будет в лучшем виде. И на согласование ей обязательно отправлю. А потом невинно поинтересовалась: а за «обязательно» премия полагается?

От такого простого вопроса Ли́ка сморщилась, как от неожиданно неприятного запаха сероводорода, который вдруг исторг из себя флакон с надписью «Шанель № 5». Она манерно поджала искусно нарисованные губы, но все же ласково (вкупе с неприятным взглядом – убийственное сочетание) пропела:

– Наверняка. Игорь Сергеевич всегда поощряет понятливых сотрудников.

В общем, сказать можно было гораздо проще: паши и не вякай, тогда тебе что-нибудь перепадет.

Фотограф, прислонившись к стенке, без зазрения совести подслушивал наш милый девичий разговор. Пардон, не подслушивал, а собирал информацию и анализировал полученные данные.

Когда же Ли́ка уплыла из кабинета, фотолодырь, оставшись со мной тет-а-тет, притворно печально вздохнул и выдал:

– А я думал, вы поцапаетесь и не придется ехать на это водохранилище...

Я прекрасно его понимала: тащиться за двести километров от города «на натуру» – занятие не из приятных. Именно по этой причине Южная и возжелала себе соавтора статьи, а в том, что взять в «помощницы» меня – ее идея, я не сомневалась. Будь интервью где-нибудь в городе, скажем, в ресторане или дома у режиссера, Южная полетела бы туда на своих пятнадцатисантиметровых цокалках единолично. И никакие соавторши ей бы нужны не были. Но «Prada»,

пусть и родом из Китая, плохо сочетается с распутицей.

А все из-за режиссера, который всегда неохотно общался с прессой, а в этот раз отчего-то решил снизойти до интервью. Но! Гений клиповой съемки отказался разговаривать по телефону или скайпу, заявив, что если «Сплетням» так надо, то он может лично ответить на несколько вопросов без отрыва от рабочего процесса. А происходил этот самый «процесс» на берегу водохранилища.

Четыре часа тряски в поезде, два часа оздоровительной прогулки по просеке леса, радовавшего взор голыми ветками и грозящего просыпающимися от спячки клещами, – все это шло в комплекте с интервью. Фотограф трепался о ерунде, я поддакивала.

Мы уже подходили к береговой линии, когда навигатор заверил: еще немного – и наша цель будет достигнута. Березы впереди расступились, и в просвете замаячила свинцовая гладь. Свежая колея, оставленная внедорожником, подтверждала: мы на верном пути.

Наконец пришли. Выбрались из леса как раз недалеко от съемочной площадки. Я огляделась, переводя дух.

Плотина была здоровой. Прямо по курсу высился длиннющий заслон из бетона, что отгораживал верхний уровень воды. Режиссеру взбренило отснять свой гениальный клип аккурат рядом с трубами сброса.

Не могу отрицать, что дистрофичная девушка, чья фигура олицетворяла собой шпалу, весьма интересно смотрелась в полосках бинтов и ярком макияже. Босая (и это в то время, когда температура не превышала пяти градусов по дедешке Цельсию), на деревянном плоту аккурат под одной из труб – она невольно приковывала к себе внимание.

Фотограф тут же расчехлил камеру. Ее затвор споро защелкал, собирая в цифровую память кадры.

Впрочем, не он один спешил запечатлеть девушку на плоту. Камеры съемочной группы активно писали картинку и звук. Режиссер, расположившись в раскладном кресле, контролировал процесс.

Увидев свою цель, я потянулась к рюкзаку за диктофоном.

Именно в этот момент произошло событие, напрочь изменившее мою жизнь: открылись шлюзы. Причем, если первую пару секунд вода из труб была не в полную силу и режиссер, как истинный фанат красивого кадра, даже успел дать команду: «Мотор!» – то дальше...

Плот под девушкой закачался, и она с воплем, который никак не шел к образу отрешившейся от всего мирского героини, упала в воду.

Раздались крики: «Вылавливайте!», «Быстрее!», «Успел отснять?» Деловая суета, спасательный круг, брошенный тонущей...

В голове запоздало всплыла информация о том, что в этом году в сводках МЧС постоянно проскакивали сообщения о рекордно высоком уровне паводковых вод. Значит, Артур Бейметов решил поехать в эту глушь не просто так, а за редкими кадрами. Наверняка подгадывал под дату сброса. Но согласовал ли съемку с безопасниками? Или, как всегда, все будет оформлено задним числом?

За всем этим никто не заметил главного: как пошел трещинами монолит бетона. Зато треск запорной арматуры услышали все.

Ревущая дурным ревом водная стихия пробивала себе путь. И не только через систему сброса. Поток, еще минуту назад казавшийся относительно безопасным и контролируемым, теперь напоминал косу жнеца смерти, сметающую все живое на своем пути.

Я развернулась и припустила прочь. Напрасно. Бешеный поток толкнул меня в спину, сбил с ног, закрутив, протащил по земле. Я неосознанно вцепилась руками в первое попавшееся. Им оказался ствол. Грудь словно разрывало изнутри. Голова гудела, сознание ускользало. Вода жгла холодом и болью. Рук я уже не чувствовала. Пальцы разжались сами. Я открыла глаза, чтобы в последний миг увидеть в окружавшей меня пенной мути проплывающее тело режиссера. Почему-то сразу поняла: он окончательно и бесповоротно мертв. Может, потому, что не бывает живых с лицами, вззирающими остекленевшими глазами на собственные лопатки.

«Ну вот и все. Причем – всем», – была моя последняя мысль. Стало до жути обидно. Я не хотела умирать. Вот так. Прямо сейчас. Здесь.

Отчаянная решимость выжить придала сил. Их хватило ровно на несколько гребков в этой бешеной круговерти, где небо и земля постоянно менялись местами. А потом я потеряла сознание: то ли от боли, то ли банально в легких закончился кислород. Но во мрак я проваливалась с единственным желанием: «Хочу жить!»

Всегда считала, что, умирая, идешь по лунной дороге или светлому тоннелю, а вокруг если и не поют херувимы, то хотя бы не смеются над тобой столь глумливо. Но на деле.... Непроглядная хмарь – сводная сестра крошечного мрака – мягко обнимала за плечи, накинув мне на голову сотканную из неясных перешептываний вуаль. Тихие голоса вокруг, в речи которых слов было почти не разобрать, становились все громче, словно в шелест осенней листвы вдруг со всей мощью вплелся порыв стылого ветра.

Неужели это и есть голоса тех ангелов, которым по штату положено встречать души? Но если бы они лишь переговаривались... Звуки становились все громче, резче, четче. Наконец раздался смех. Хотя смех – слабо сказано. Ржание – вот точное слово. Прямо как в конюшне: нагло, громко и выразительно.

Ржание повторилось, настойчиво ввинчиваясь в уши, перекрыло все остальные звуки. «Даже мое посмертие – и то отдает дешевой рекламой, в которой все красиво, пока далеко и на картинке. А на поверку...» Я не успела додумать мысль, как почувствовала: внутренности стремятся покинуть меня, причем через горло.

Потом пришло ощущение опоры. Я лежала на чем-то рыхлом, холодном, влажном. Пальцы нащупали стебли склизкой травы.

Где я нашла в себе силы, чтобы, опираясь на руки, чуть приподнять голову? Не знаю. Но меня тут же начало выворачивать. Казалось, вместе с водой из горла выплевывается часть легких, а заодно желудка. Слипшиеся то ли волосы, то ли водоросли будто приклеились к лицу, обвили шею.

Наконец я смогла сделать глубокий вздох. Все тело болело. Я каждой клеточкой чувствовала пульсирующую волну боли и была счастлива. Захотелось безумно

рассмеяться: жива.

По ушам вновь ударило лошадиное ржание. Я слепо завертела головой и только сейчас поняла: ничего не вижу. Слышу, ощущаю запахи. Руки чувствуют под пальцами жижу, но я ни черта не вижу.

Так, Сашка, без паники! Прорвешься. У тебя всегда все получалось. Даже поступить в институт без блата. Хотя максимум, что светило девчонке из неблагополучной семьи, – это ПТУ.

Попыталась сесть, чтобы отдышаться.

Шелест. Шелест вокруг при каждом движении, дуновении ветра, даже вдохе. Жужжание. Недалеко фыркнула лошадь, ей вторило ржание второй. Бряцанье железа о железо. Упряжь? И тихий стон.

А потом до меня сквозь запах тины и молодой свежесорванной травы донесся он – с привкусом железа на языке, тошнотворно сладкий, едва уловимый вначале, но все больше забивавшийся в ноздри... запах. Так пахнет страх. Тот, что сродни животной всепоглощающей панике. Он-то и заставил меня вновь видеть.

Как оказалось, глаза мои все время были открыты. Просто в какой-то момент мгла начала принимать очертания, истончаться, прорезаться светом. Я моргнула. Потом еще и еще. Каждый раз, когда веки поднимались, картинка становилась все четче, ярче. А до меня с запозданием начало доходить: не бывает в апреле стрекоз. И рогоз, что по ошибке обыватель зовет камышом, не зеленеет весной так отчаянно, как и кроны деревьев, замеченных невдалеке.

Осторожно вытянула шею, пытаюсь разглядеть за колышущимися коричневыми свечками, что вот-вот должны были начать сыпать пухом, где я. Лучше бы я этого не делала.

Меня выкинуло на берег. Вернее, на илистое камышово-остролистное мелководье. Шуршащие невысокие заросли жестких кожистых листьев, витающий над водой полуденный зной, а за ним, на берегу, жуткая в своей статичности картина.

Несколько повозок с впряженными в них лошадьми стояли у берега. Добротно сколоченные борта, деревянные колеса, оглобли, тюки, громоздившиеся на телегах. И все залито кровью. Лошади нервно стригли ушами, нет-нет да раздавалось ржание. Оно казалось вдвойне страшнее, поскольку это были единственные живые звуки среди трех дюжин трупов. Вокруг, да и на самом обозе, лежали люди. Некоторые – в броне, иные – в домотканой одежде. Но и те и другие – утыканные стрелами или зарубленные.

Я ущипнула себя. Потом отчаянно замотала головой, искренне надеясь, что привидевшееся – бред. Я просто здорово приложилась о ствол, или это галлюцинации от недостатка кислорода. Но видение не исчезало. Раздался стон, едва слышимый, но вымораживающий изнутри. Так в мучительном бреду, граничащем с агонией, мог звать только тот, кто отчаянно хотел жить. Так же сильно, как совсем недавно и я.

Инстинкт кричал, что надо бежать как можно быстрее. Не важно – куда. Главное, чтобы подальше отсюда. Тело еще помнило ощущения, когда тебя словно выворачивает наизнанку от осознания того, что все – это твой конец.

Но та часть меня, которая еще могла мыслить, чувствовать, которая и делает человека – человеком, заставила выползти из прибрежных зарослей. На четвереньках, раздвигая головой камыши и остролист, царапая кожу жесткими краями осота, я ползла и волочила за собой неподъемный рюкзак. Едва руки почувствовали дерн вместо ила, встряхнулась, точно мокрый пес. Потом стянула с плеча лямку рюкзака, некогда миниатюрного и симпатичного, хоть и жутко дешевого по той простой причине, что прежняя хозяйка возжелала от него избавиться. В общем, нас с моим заплечным мешочком свели судьба и сайт покупок подержанных вещей. Сейчас он упал на траву, а я все так же, на четвереньках (ибо сильно сомневалась, что, если решу распрямиться, двуногая конструкция не грохнется), двинулась на стон.

Саму меня изрядно штормило. Да и если рассуждать логично, ну чем я, полуобморочная, могла помочь тому, кто был нашпигован стрелами и явно отдавал концы? Но это – доводы холодного разума.

Еще оставалось то, что ломало и гнуло все доводы рассудка, – знание. Глубинное понимание: если я развернусь, попробую уйти, не попытаюсь помочь... внутри что-то сломается. Порвется тонкая нить, связывающая все внутри меня воедино. И я уже никогда не буду прежней.

А потерять саму себя сейчас казалось вдвойне страшнее, еще и от осознания того, что телом-то я уже потерялась. Берег, камыши, эта жуткая поляна, обоз с кучей человеческих трупов в старинных одеждах. Стрелы, раны, кровь... – целый чужеродный мир, которого существовать просто не могло. В двадцать первом веке. В цивилизованной стране. Не могло – и точка. Но он был. Существовал. Казался настолько реальным и до дрожи настоящим, что чужеродным элементом в нем оказывалась именно я: в мокрых джинсах, старых кроссовках и несуразной болоньевой куртке.

Другой мир, иной мир... – догадка, от которой все внутри начало скручиваться узлом. Но я, переставляя ладони и колени, тащилась вперед, ориентируясь на стон, и гнала, гнала прочь эту сумасшедшую мысль, как и слепней, почуявших во мне новую поживу.

Я нашла его, вернее, ее под одной из телег. Стрела, пробившая насквозь грудь, скорее всего, задела легкое, дала жертве чуть больший срок, чем другим, и сделала кончину мучительнее.

Открытое лицо, пухлые бескровные губы, мутный взор серых глаз – ее можно было бы принять за пацана, одетого в портки и рубаху. Вот только набрякшая от крови ткань четко обрисовывала девичью грудь, да и слетевшая с головы шапка, валявшаяся рядом, не прятала тугой длинной русой косы.

Ее уже стекленеющие глаза увидели меня. Наши взгляды встретились, и я, сама не понимая, как, подползла ближе, нырнула под телегу. И тут умирающая с неожиданной для полутрупа резвостью цепко схватила меня за руку.

Ее губы то ли прошипели, то ли прошептали:

– Mea teina, nonit mier esta. – Девушка тяжело сглотнула. Наверняка эти слова выжали из нее последние силы, но она все же продолжила: – Tou kneissa. Obes mier.

И пристально посмотрела на меня. словно через снайперский прицел. Ждала ответа. Я не поняла ни слова, нахмурилась.

– Obes mier, – требовательный взгляд и голос, хотя последний и был невероятно тих.

Я мотнула головой, смахивая слепня, навязчиво нарезавшего круги около меня, а умирающая приняла этот кивок на свой счет. На ее губах вдруг проступила улыбка, словно она сумела передать какую-то эстафету. Черты ее лица разгладились, голова неестественно повернулась в сторону – не иначе мышцы шеи отказали – и девушка собралась преспокойно отбыть в мир иной. Все бы ничего: моя совесть, не сдавшись в плен шкурным инстинктам, осталась при мне, а девушка умерла, судя по лицу, счастливой... Но тут я заметила змею, до этого прикрытую воротом рубахи.

Тугая, в чулке серого узора, обнимавшего ее ажурным плетением. Гадюка? Она текла по шее девушки, шуршала чешуйчатым, нагретым на солнце телом. Ее чуть сплюснутая ромбовидная голова нырнула в ворот рубахи, и я увидела, как медленно поднималась ткань там, где прокладывала себе путь сероузорная, когда скользила по плечу, потом по локтю девушки, чтобы появиться на ее запястье. А дальше... Дальше – была ладонь, что так крепко держала мою руку. Мертвой хваткой держала. Во всех смыслах этого слова.

Я оцепенела, застыла и не могла пошевелиться. А змея неспешно заскользила уже по моей руке, обвиваясь поверх мокрой, прилипшей, словно вторая кожа, куртки. Змеевна достигла плеча. А я все так же не шевелилась. Страшно. До жути страшно, хотя и хотелось скинуть ядовитую, взвизгнуть, вскочить. Но я понимала – поступишь так – и она обязательно укусит. Вонзят клыки. Пока же змеевна только текла по мне и даже не шипела.

«Может, примет меня за валун и сползет? Или попытаться ее медленно-медленно с себя снять?» – додумать я не успела.

Змеевна начала неспешно обвиваться вокруг моей шеи. Я перестала дышать. Чувствовала лишь тяжесть, чуть шероховатое, на удивление приятное сухое тело и то, как медленно, волнообразно сокращаются мышцы под шкурой. Наконец змея улеглась, удобно устроившись на мне. Ее голова и хвост как раз находились на уровне подключичной впадины, словно все тело сероузорной было кольцом. А потом я кожей ощутила, как живое превращается в металл: холодеет, тяжелеет, сглаживается.

Рискнула приоткрыть один глаз, потом второй. Увидеть, что за ярмо у меня на шее, не удалось. Тогда решила сделать вдох и медленный-медленный выдох. Рука же сама собой потянулась к «украшению». Через пару минут вечности я убедилась в двух вещах: змея и правда превратилась в металлическую, а я до сих пор жива.

Последнее особенно радовало. Голова закружилась, и я поняла: еще немного – и грохнусь рядом с только что умершей девушкой. Посему выдернула руку из пальцев усопшей и начала осторожно выбираться из-под телеги.

Говорят, что от вида крови человеку может стать дурно и он способен даже потерять сознание. Наверное, у кого-то так и происходит. Но то ли в моих генах дремлет наследие великих хирургов (хотелось думать именно о них, а не о мясниках), то ли просто я натура не столь тонкая и чувствительная... Как бы то ни было, меня картина обоза, подвергшегося нападению, наоборот, отрезвила. Прямо как хлесткая пощечина.

Хватило сил даже распрямиться и встать. Обвела взглядом телеги и увидела то, чего не заметила доселе: обезглавленное тело девушки. То, что и на этот раз передо мною именно дивчина, поняла по одежде: что-то, отдаленно напоминавшее поневу с затейливой вышивкой по подолу, изящные сапожки, монисто на обезглавленной шее, расшитые рукава рубашки. Их хозяйка явно не из простых. Была.

Я сглотнула. Попятилась. Тут ноги ощутили вибрацию. Змея на моей шее начала нагреваться, словно предупреждая об опасности.

Кто бы это ни был, опоздавшая подмога или налетчики, вернувшиеся за поживой, я решила, что самое разумное – дать деру. Ибо в моем случае поговорка «бег продлевает жизнь» имела не фигуральный, а самый прямой смысл. Поэтому я действовала как при облаве, когда первыми надо смываться невиновным, у которых нет навыков убедительно оправдываться.

Быстро попятилась, скрылась в тех же зарослях, из которых выползла не так давно, не забыв прихватить свой рюкзачок. Как оказалось, весьма правильно сделала.

Конных было четверо: в легкой броне, с мечами. Один, спешившись, подошел к обозу и стал бесцеремонно осматривать убитых, оттягивать им ворота, словно что-то искал.

Когда я сквозь траву увидела отрезанную девичью голову, притороченную к седельной сумке – чуть не завизжала. Наверное, помогла журналистская привычка. А может, собственный кулак, поднесенный ко рту. И губа, прикушенная до крови.

За всем этим не сразу сообразила, что начала понимать, о чем говорят тати. Нет, не слышать слова, а именно понимать общий смысл. Как если бы не вчитывалась в отдельные предложения, а просто смотрела на текст.

Они искали какую-то кнессу с печатью. В голове сразу же всплыл образ здорового штампа, которым ставят оттиск «оплачено». Но что-то подсказывало, что это не то. А потом до меня, как посылка до адресата, отправленная по почте России, с опозданием дошло: это змея на моей шее... Разбойник ведь заглядывал именно в горловины рубах...

У моей головы имелось одно свойство, которое я до сей секунды считала достоинством. Она была богата на всякую правдоподобную фантазию. Конечно, без такого полезного навыка журналистом, увы, не стать (во всяком случае, успешным – точно), посему эту способность я даже оттачивала. Но сегодня чересчур резвое воображение, получившее нехилую порцию адреналина и вагон непереживаемых (для обозников, которые, увы, полученные впечатления не смогли совместить с собственной жизнью) и непередаваемых (или передаваемых нецензурной лексикой) впечатлений, сыграло злую шутку.

Это самое воображение, словно костяшки на счетах, отщелкало неутешительную сумму моего долга фортуне, которая решила каким-то чудом оставить меня в живых.

Выходило, что в обозе ехала эта самая кнесса, девушка далеко не бедная, и везла с собой печать. Вернее, змею. Или нашейный обруч... Тут я слегка забуксовала, поскольку разум все еще отказывался верить в то, что змеевна, живая и вполне бодро ползающая, способна стать металлическим украшением. Но факты были налицо, вернее, были на моей шее. А посему женская логика, которая тем и хороша, что может криками, скандалами, слезами или простым «а

почему бы и нет?» заставить замолчать даже законы физики, просто приняла случившееся как данность. И я, прислушиваясь к разговорам налетчиков, стала лихорадочно складывать мозаику событий.

Судя по тому что обезглавили девушку в богатом одеянии, ее и приняли за кнессу. А настоящая, получается, ехала в обозе под видом простого мальчишки? Значит, переодевшись подозревала подобный исход событий. Или на нее уже были нападения?

В общем, так или иначе, но та, в мистико, сыграла роль любимой многими журналистами водоплавающей птицы – утки. Подсадной и весьма убедительной, на свою же голову.

Между тем время шло. Головорезы, не находя искомого, злились. Я бдела в камышах.

Самым сложным в засаде оказалось даже не сидеть тихо: ведь страх хорошо парализует, почище двустороннего инсульта. И даже не бороться с собственными мыслями, которые норовили пуститься галопом, ввергнуть хозяйку в панику и выдать с головой. Вовсе нет. Самым сложным было не замерзнуть в воде, которая показалась мне сначала весьма теплой. Не парное молоко, конечно, но и не та захлестнувшая волна паводковой мути, что ненамного теплее крещенской проруби.

А еще я выяснила, что в данной речке вода не просто чистая, а экологически чистая. Как? Мной решила подзакусить пиявка. Говорят, что эти твари обитают только в чистой пресной воде. Вот когда я пожалела, что сижу не в озерце с масляной пленкой. Хотя... где бы я тогда спряталась?

Камыши ведь тоже в столь «облагодетельствованной» человечеством калаужине не выросли бы.

Пока я размышляла о плюсах и минусах индустриального природопользования, шелковая черная лента длиной с мизинец решила, что моя лодыжка – это совсем-совсем недурственно. Пиявка примерилась и таки впилась в мокрую джинсу. Прокусить не прокусила, но место ее страстного воссоединения с тканью я ощутила.

Слепни от водной обитательницы не отставали и кружили над головой. Ударить или стряхнуть кого-либо я не решалась: вдруг разбойники услышат?

А последние между тем активно рылись. Уже в тюках, разбрасывая вокруг пушнину, одежду, снесь. Не нашли печати и решили, что ее везли отдельно от тела?

Но, что самое удивительное, чем дольше я слушала грабителей, тем больше понимала отдельные слова. А моя змеевна на шее все так же «грелась». «Прямо как аккумулятор усиленно работающего телефона», – подумалось вдруг. Хотя почему «как»? Ведь понимать местную речь я начала после того, как меня «осчастливили» этой печатью.

Разбойники искали долго и с остервенением. Но когда солнце начало клониться к закату, они все же убрались. Подозреваю, что недалеко и не насовсем. Это были не простые грабители, которым нужна пожива. Наемники. Киллеры местного разлива. Как я поняла, нанятые с одной конкретной целью: добыть печать.

А посему они будут искать и искать. Пока не найдут. А с учетом того, что эта зараза сейчас на мне, заберут ее у нынешней хозяйки без церемоний. И бонус в виде моей глупой башки тоже прихватят.

Едва тати скрылись, а звуки конского топота растворились в вечернем воздухе, я дала низкий старт из камышей. Зуб на зуб у меня уже давно не попадал, зато голова, в отличие от одеревеневших мышц, работать не отказывалась. Времени же, чтобы подумать, было предостаточно.

По всему выходило – меня занесло куда-то дальше злополучных чертовых куличек. Мысли о том, что я умерла и в раю, почему-то не посещали. Может, оттого, что в Эдеме трупы, по идее, не водятся? Им как бы там по штату быть не положено. Значит – другой мир. Сколь бы бредово это ни звучало. И чтобы не умереть еще и тут – стоит поторопиться.

О том, как меня сюда вообще занесло, почему и с чего такая честь – старалась пока не думать. Хоть мой процессор, в смысле, голова, – вещь и многозадачная, но «оперативка» и так трещала от всего, что я увидела и услышала.

Я попрыгала, согреваясь, а потом рысцой добежала до одного из распотрошенных тюков. Рубахи, юбки, жилеты, мех.

С убитых не знаю, сняла ли бы. Наверное, все же не смогла бы пересилить себя, но тут... Мародерство отвратительно, но сдохнуть – вдвойне отвратительнее. Потому я стянула с себя мокрые джинсы, куртку, водолазку и нырнула в рубаху. Брюк, что подошли бы на мою субтильную фигуру, видно не было, а искать – тут каждая секунда на счету. Пришлось прихватить юбку, безрукавку и полотняный отрез. Расстелив отрез, кинула в него свои мокрые вещи. Рюкзачок, в котором обретались диктофон и прочие мелочи, повесила на плечо.

Самая большая заминка вышла с обувкой: все сапоги оказались гренадерского размера, здоровые, мужские. С деревянными башмаками, выдолбленными из цельного куска дерева – та же история. А намотать кучу портянок на манер онучей – да я бы этим извращением до утра занималась! Посему плюнула и решила, что мокрые кроссовки – тоже ничего.

В последний момент, уходя с поляны, вспомнила о деньгах. С совестью боролась недолго, но отчаянно. Эта паршивка вопила и не заткнулась до конца, даже придавленная тяжестью напоясного кошелья, который я позаимствовала у одного из убитых.

– Прости, – сами собой прошептали губы.

Звук получился, словно из проколотой шины воздух вышел. Глупо просить прощения у трупа, но за сегодняшний день произошло столько бреда, что бредом больше, бредом меньше, какая уж разница?

«Обо всем этом стоит еще раз подумать. Хорошенько. Но потом. А сейчас пора сматываться», – решила я, словно отсекала путы, потом, подхватив рюкзачок и узел с мокрыми вещами, нырнула в заросли.

Лес встретил меня мошкаррой и густыми, как смола, сумерками. Не покидало ощущение, что я здесь чужачка. Да, в сущности, так оно и было. В свои двадцать три я по пальцам могла пересчитать дни, проведенные на лоне природы. Потому трезво рассудила, что от тракта далеко отходить не стоит, но и идти по нему открыто – значит нарываться на крупные неприятности.

Так и шагала леском в полусотне метров от дороги, чтобы видеть ее хотя бы иногда, но если вдруг появятся конные или пешие – сразу же нырнуть с головой в траву.

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, а ситуация окончательно подтвердила, что страшнее комара зверя нет, я поняла, что умная женщина никогда не будет брать тяжелого – в руки, а дурного – в голову. Но то – мудрая. Увы, я таковой ни разу не была. Потому как сумела прихватить и то, и другое: куль с мокрой одеждой весил изрядно, а мысли, бродившие в голове, – и того больше.

Каждый шаг давался все тяжелее. В животе не просто урчало, там, судя по звукам, выл Джигурда. Голова кружилась. Наконец я сдалась. Плюхнулась под первым попавшимся деревом и вытянула ноги.

Задним числом пожалела, что взяла все, кроме самого главного: еды. С водой в организме после продолжительных принудительных водных процедур пока был порядок.

Стала перебирать в уме, что же я знаю о съедобных растениях и грибах. Оказалось, что только как их искать. Да и то не в лесу, а в «Гугле». Но тут взгляд упал на поклажу, и я вспомнила о недоеденном батончике.

Руки, до этого неподъемные, почувствовав, что организму светит углеводная пожива, потянулись к рюкзачку. Уже спустя минуту я с утробным урчанием уплетала остатки шоколада с орехами. Когда фантик был в третий раз тщательно облизан, пришлось с прискорбием признать: вечерней трапезе конец. Пора подумать о ночлеге. Идти куда-то сил не осталось. А ночевать на земле...

Я уже убедилась, что моя кровушка – весьма недурственная закуска для местных обитателей. И если комарам и пиявкам посягательства можно было пусть и не простить, но хотя бы смириться, то с волками, подозреваю, я ста граммами второй отрицательной не отделаюсь. Решение заночевать на дереве показалось правильным.

«Кровати» на мой непритязательный взгляд отличались лишь тем, что одни были – с иголками, другие – с листьями. Последние мне нравились больше.

Задрала голову. Я сидела как раз под раскидистым дубом.

«Значит, дуб», – решила и с кряхтеньем встала. Как залезала на дерево уже почти в темноте – отдельная сага. Но нет в мире той стены, что устоит перед женской целеустремленностью. Хотя в моем случае – скорее банальным упрямством. В итоге я все же оседлала одну из веток. Убедившись, что подо мною метра четыре свободы, решила, что я пока корочек пилота не имею, оттого к полетам мое брэнное тело допускать не стоит. Достала из узла джинсы, выдернула из них ремень и, привалившись спиной к толстому стволу, вытянула ноги вдоль ветки.

Чтобы приковать себя за талию, длины ремня не хватало, но вот соединить ногу и толстый сук – вполне.

Думала, что в таком положении долго не засну. Ан нет, сегодняшний день измотал меня настолько, что я вырубилась практически сразу же.

Вот только сон был недолгий. Проснулась от грохота. Едва не свалилась, но чудом успела вцепиться в ветку. Вокруг еще было темно, и я, слепо шурясь, начала лихорадочно озираться. А когда наконец углядела, что там внизу, под дубом, сердце ушло в пятки.

Она была мертва. Стекланный взгляд, бледное до синевы лицо, неподвижное, как гипсовая маска. Слишком прямая спина, неестественно вывернутая шея, руки как плети. Рубаха, заляпанная кровью. Посреди пятен, прямо в груди – торчащая стрела.

Кнесса стояла, не смея зайти под сень дубовой кроны.

Мое сознание будто хлестнули огненной плетью. Сон отлетел напрочь. Зато животный ужас, от которого хотелось выть и бежать без оглядки, заполучил меня в свою безраздельную власть.

Гостья стояла, смотрела на меня немигающими глазами и не шевелилась. Я тоже будто приросла к дубу и уже представила, как эта посланница нави сейчас, взобравшись по стволу, начнет меня душить. Почему именно душить? Я сама не знала. Но воображение почему-то отдало предпочтение именно этому способу убийства.

Все же усилием воли если не отогнала, то хотя бы чуть приглушила панику. Ободрила себя тем, что если бы пришла могла со мной разделаться, то давно бы это сделала, пока я спала.

Она же стояла, как проржавевшие «жигули»: теоретически двигаться могла, но считала это ниже своего достоинства. Хотя... Закралось подозрение, что убиенной мешает именно дуб. Ну бояться же вампиры осины? Может, и у этой неупокойницы аллергия на конкретные деревья?

Не знаю, сколько бы мы с ней играли в гляделки, но вдалеке пророкотал гром. Этот предвестник гнева туч, брюхатых отчаянным дождем, будто подстегнул загробницу.

Она заговорила. Ее голос, такой же неживой, размеренный и негромкий, как удары метронома, тем не менее ввинчивался в уши и, казалось, даже забирался под кожу.

– Моя жертва оказалась ненапрасной. Несколько последних веретен жизни стоили того, чтобы отдать их в обмен на услышанную мольбу. Перед тем как я уйду в навь, хочу напомнить. – В ее речи не было пауз, что нужны живым для вдоха, оттого смотреть на говорящую было жутко вдвойне. – Ты обещала сохранить мир. Ты поклялась передать печать кнессу Верхнего предела, стражу Небесных врат.

Тут я не выдержала и перебила монотонный монолог:

– Помедленнее, пожалуйста, сейчас запишу! – то, что я слышала, было столь бредовым, что мозг отказался воспринимать и верх взяли рефлексы. Благо не безусловные, вроде глотательного и дыхательного, а сугубо профессиональные, журналистские.

Руки потянулись к рюкзаку, в котором лежал диктофон. Мне бы подумать: ведь электронный трудяга мог и не пережить купание, во время которого я сама чуть не сдохла. Но вопреки всему водонепроницаемый китайский чехол оказался действительно водонепроницаемым.

Пальцы нащупали кнопку, мигнул красный огонек: запись пошла.

Мертвая гостя наоборот – тут же умолкла. То ли ее смутила моя просьба, то ли результат работы гения инженерной мысли, что сейчас исправно записывал звуки тишины.

– Простите, а можно поподробнее, чем вы пожертвовали, кому и при чем здесь я?

Как оказалось, умершие – натуры тонкие и с ограниченной функцией памяти. Сразу несколько вопросов им задавать нельзя, иначе зависают почище интернет-эксплорера, в котором сразу открыли двадцать окон.

Пока я постигала азы некромантии, в частности, училась общаться со свеживоскресшими трупами, удалось выяснить, что эта кнесса в обмен на последние часы своей жизни (или как здесь принято отмерять время – веретена) и крохи собственной магии решила-таки выполнить возложенную на нее отцом миссию. То бишь передать эту долбаную печать адресату. Но поскольку сама умирающая по понятным причинам этого сделать не могла, провидение послало ей того, кто оказался рядом.

На мое осторожное замечание, что не так близко я была от этой кнессы (другой мир как-никак), умершая обронила, что, значит, я очень хотела жить и ее зов совпал с моим желанием. К тому же мертвые легко проходят между мирами, в отличие от живых...

В общем, кто ближе и роднее всего полутруп? Правильно – второй такой же полутруп. Только в моем случае «подлежащий восстановлению»: ран, оторванной головы или тройной дозы яда у меня не было, а посему вернуть к жизни мою персону можно было, всего лишь вытолкнув из водной круговерти. А там, как говорится, если сильно хочешь жить, сама справишься. Другого объяснения всему этому я просто не нашла.

Но вот если в первой части нашей милой беседы, которую периодически перекрывали громовые раскаты, все было понятно, то вопрос касательно самой печати и ее «доставки»... Змея на моей шее являлась грузом архиценным, но почему-то шла исключительно в комплекте с носителем.

Я уже наострилась задать очередной вопрос, когда блеснула молния. Совсем близко.

Мертвая посмотрела на небо и, обронив: «Мое время вышло», – сделала шаг назад. В этот миг новая молния, вылетевшая из тучи словно арбалетный болт, ударила ровно в то место, где стояла неуспокоенная.

Яркая вспышка, от которой кровь застыла в жилах. Оглушительный треск, раздирающий барабанные перепонки. Но даже сквозь него я не услышала, ощутила последние слова кнессы: «Не выполнишь зарока – умрешь и телом, и душой. Станешь небытием».

За молнией, поразившей пришлую, сразу ливанул дождь. Капли не разменивались на морось. Они били тяжело, стеной. А я сидела на дереве и боялась пошевелиться. В мозгу все звучали последние слова кнессы.

Дождь барабанил по листьям раскидистого дуба. Молния сверкала теперь где-то вдалеке, уже не такая яростная – словно спустившая пар склочная баба, что отгавкивается по привычке, когда пыл свары уже прошел, но поднятая пыль еще не улеглась.

«Вроде бы при грозе надо прятаться в кустах, а никак не на деревьях», – мелькнула мысль. Мелькнула и пропала. В отличие от холодного ручейка, что тек аккуратно мне за шиворот.

Крона укрыла шатром, но этот тонкий, с иголку, ручеек не иначе как по стечению обстоятельств избрал местом десантирования именно мою злополучную шею. Наверное, исключительно ему стоило быть благодарной за то, что я окончательно не впала в прострацию от всего пережитого и увиденного за сегодня. Палец сам собою нажал кнопку остановки записи на диктофоне. Медленно, словно это был непосильный труд, убрала самописец в рюкзачок. А мысли были об ином.

До мозга наконец-то начало доходить – он не только понимал, но осознавал и принимал: я в другом мире. Другом, мать родная! Или отец? О местном пантеоне я ровным счетом ничего не знала, поэтому предпочла мыслить привычными категориями.

Сказать, что я была ошеломлена – значит, не сказать ровным счетом ничего. Еще сегодня утром сетовала на несправедливость жизни? Три раза «ха»! Но отчего я такая везучая? Вроде бы мои полушария защищены черепом, а не штанами, так

отчего у меня в жизни все через заднее место?

Теперь подозреваю, что именно время земной жизни стану вспоминать как самое счастливое и беззаботное. Лика Южная, что так любила загребать жар чужими руками, главгад, самоутверждавшийся за счет унижения сотрудников, да даже собственная мать, которая скинула меня, как мусор с совка, едва я поступила в университет... Хотя она и до этого не сильно обо мне пеклась. И дело вовсе не в том, что я лишь одна из пяти ее детей. Моя мать вообще не особо переживала по поводу своего «выводка», считала, что это – забота ее очередного мужа. На моей памяти таковых было три. А уж «хахалей» (как точно характеризовал список любовников моей родительницы конклав околоподъездных бабулек-сплетниц) у маман водилось без счета. Но что больше всего меня поражало – мужья терпели любые загулы родительницы и разводилась все три раза именно мать.

Несмотря на то что моя жизнь была отнюдь не золотой, она меня устраивала. Я была уверена, что не останусь голодной и не сдохну в обшарпанном подъезде хотя бы потому, что все свое детство и отчаянные школьные годы провела далеко не в тепличных условиях. В тринадцать лет я уже освоила десяток законных способов зарабатывать деньги на кусок хлеба и три десятка – относительно законных. Я мыла стекла и сливала бензин из баков машин – бабушкиных ровесниц, могла шпилькой открыть почтовый ящик, убедить в крайней, буквально жизненной необходимости абсолютно бесполезной вещи случайную тетку на рынке и даже продать ей эту фигню. В общем, как и любой подросток, я хотела денег. Вот только, в отличие от большинства сверстников, не для походов в кино.

Может, я в конце концов связалась бы накрепко с уличной шпаной и наплевала на школу, но тут при очередном разводе моей матери объявилась тетка. Эта сухопарая чопорная старуха из пятерых детей отчего-то решила облагодетельствовать именно меня. Хотя я точно не могла быть ее кровной племянницей, поскольку ее брат удочерил меня, когда я уже радовала мир дырками от молочных зубов.

Но, несмотря на это, после развода родительницы с отчимом Эльза Марковна забрала у матери меня, вазу, лично подаренную ею на свадьбу брата с «этой распутной женщиной» и долг по кредиту своего великовозрастного кровника. К слову, самого братишку она даже не пожалела и не поздравила с «кончиной» его брака, с усмешкой заявив: «Не плачься, я предупреждала, что из вашего

супружества ничего путного не выйдет».

Мне на тот момент едва стукнуло пятнадцать.

Тетка оказалась, мягко говоря, эксцентричной, но чего у нее было не отнять – это железной воли. Впрочем, у меня тоже. Но Эльза Марковна все же победила и умудрилась наставить меня на путь истинный. Я окончила школу без золотой медали (скорее уж хорошо, что по некоторым предметам в аттестате не стояло двоек), но зато профильные дисциплины, как свидетельница ЕГЭовы, оттяпала у тестовой системы на высокий балл. Настолько высокий, что поступила в университет на бесплатное отделение. Жаль только, что тетя этого уже не узнала. Она отбыла в мир иной аккурат накануне экзаменов.

К матери я вернулась ровно на месяц, да и то – не в силу душевного порыва, а по велению законодательства. А потом мне исполнилось восемнадцать. Спустя четыре недели началась моя новая студенческая жизнь.

...Я сидела, прислонившись к дубу, и молчала. По щекам текли беззвучные слезы. Я перебирала свою прежнюю жизнь, как четки, и осознавала, что сегодняшний день отрезал меня от нее. Самым дорогим в этом отсеченном куске были воспоминания об Эльзе.

Рассвет встретила, не сомкнув глаз. Сначала запели соловьи, потом отчаянно закрикала утка, а когда зачирикали воробьи, лес стрелами пронзили утренние лучи.

Комариные тучи, поредевшие от тяжелых капель, лениво висели в воздухе.

Сползла с дуба. Есть хотелось не просто зверски. Я была голодна настолько, что чувствовала: еще немного, и начну убивать за еду.

Зато, как и вчера, пить не особо хотелось. Одежда оказалась настолько мокрой, что я могла конкурировать с коренными обитателями болот. Но все же я напилась с листа лопуха, так сказать, впрок.

Особых идей не возникало, кроме как убраться подальше от разграбленного обоза. Хотя на тракт выходить я все же не рискнула и кралась, как и накануне,

по лесу. Чуть позже выяснилось, что предосторожность была отнюдь не излишней. До полудня меня обогнали две телеги и один всадник, мчавшийся, как угорелый, а вот ближе к вечеру...

Конский топот и ржание оповестили о том, что на дороге появились новые путники. Едва я увидела знакомую четверку всадников в броне, к которым примкнули еще несколько конных, – тут же нырнула в траву.

Они проехали мимо. Бряцанье сбруи и доспехов уже давно стихло, а мое сердце все еще гулко отсчитывало удары. Но потом все же отпустило: обошлось.

Когда добралась до развилки, на лес опускалась ночь. Поскольку особой цели у меня пока не имелось, я поступила в лучших традициях неверных супругов: пошла налево. Эта дорога была ничем не лучше и не хуже другой, но, как человек, закаленный очередями в кассах супермаркетов, я всегда выбирала именно «левую полосу».

Когда уже не было видно ни зги, а желудок успешно переваривал сам себя, обещая язву (заверял он в этом уверенно, как депутат на предвыборной кампании), я решила, что у меня начались галлюцинации. Иначе чем объяснить то, что мой нос уловил запах жареного мяса?

Сначала я помотала головой, прогоняя ароматический мираж. Но нос еще сильнее зашекетало, а рот наполнился слюной. И я пошла на гастрономический зов. Крадучись, замирая от каждого шороха.

Когда осторожно выглянула из кустов, поняла: это не глюки. Еда здесь действительно имелась, но добраться до нее – все равно что украсть кошелек у профессионального вора. Но все же я решила рискнуть. Голод – не лучший напарник, но учитель отменный. Объясняет коротко и доходчиво.

Внимательно оглядела лагерь и в углу поляны заметила клетку. По ее прутьям пробегали всполохи, словно деревянные брусья были под напряжением. А внутри сидел мужчина и смотрел прямо на меня.

Наши взгляды встретились. Меня поразили его глаза. Такие редко увидишь даже на просторах Интернета, а уж на этом складе бедлама чего только нет! Про суровую жизнь, лишенную магии фотошопа, я и вовсе молчу. Глаза были

золотистые у самого зрачка, словно пламя костра, и будто обведены углем по краю. В них не сквозило ни обреченности узника, ни злости несправедливо осужденного пленника. Лишь презрение.

Не отрывая взгляда, незнакомец усмехнулся, словно видел меня насквозь: голодную воровку, что нацелилась на вертел с мясом, оборванную, мокрую, с волосами, некогда рыжими, а сейчас из-за слоя грязи похожими на паклю.

Я испугалась: вдруг сейчас этот заключенный поднимет бучу? Ему-то что, он в клетке. А мне опять по темному лесу нестись? Хотя, может, просто выйти к костру, попросить еды?

Подумала и усмехнулась: дюжина здоровых мужиков у костра и ни одной женщины. К тому же они никак не тянули на монахов, соблюдающих целибат. Скабрезные шуточки, что доносились до моих ушей, скрежет металла о металл (кто-то из охранников точил меч), плеск то ли воды, то ли чего покрепче в бурдюке, который передавали по кругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nadezhda-mamaeva/interv-yu-dlya-meri-s-yu-razdraznit-drakona>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)